- 142 -

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ им. Н. Я. МАРРА АН СССР
ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ · VIII

Л.- Л., 1937. - с. 147-163.

Г. Ф. ТУРЧАНИНОВ

Н. Я. Марр-абхазовед

I

Интерес Н. Я. Марра к абхазскому языку как одному из живых, бесписьменных представителей яфетической системы языков (тогда, при создании яфетической теории — семьи языков) наметился много ранее появления в печати первых его трудов, посвященных этому языку.

Этот интерес был подготовлен многими годами работы Н. Я. Марра над яфетическими языками Кавказа. Основных обстоятельств, определивших сдвиг в исследовательской работе и направивших внимание на изучение живых яфетических языков, в первую очередь абхазского языка, таких обстоятельств, по собственному признанию Н. Я., было два. Одним обстоятельством было разочарование, полученное им при изучении в монастырской библиотеке Синая древнейшей датированной рукописи 864 г., в которой предполагалось тогда найти древнейший вид грузинского языка, но в которой, «наоборот, нашли подтверждение законность и древность многих особенностей живой грузинской речи»;[1] другим обстоятельством были «занятия... в раскопках городища Ани»..., которые «...наострили... внимание на искусственно, человеком общественно производимое строительство самой речи».[2] « ... Два лета раскопок в Ани (1892—1893 гг.), — пишет Н. Я. Марр, — с сопровождавшими их разъездами в пределах древней Армении, в непосредственном общении со смешанным населением из армян, турок и курдов, успели (еще более) поколебать, если не перевернуть все мое мировоззрение в отношении цельности или изолированности каких-либо национальных культур».[3] «Я обратился от классических литературных языков армян и грузин к диалектам, вообще живым

[2] Основные достижения яфетической теории Избранные работы, т. I, 1933, стр. 205.
[3] Там же, стр. 205.
[4] Там же, стр. 204.

языкам и бесписьменным, сначала родственным с грузинским, чанскому и мегрельскому, затем дальнему, сванскому, и еще более от грузинского отдаленному, абхазскому».[1]

Однако, не взирая на то, что «кавказские горцы и в первую голову абхазы напрашивались на возможно спешное изучение по причинам внутренним, внутренним с точки зрения истории самой разработки науки о коренных кавказских языках и поспешности нарождавшихся в ней научных запросов и задач»,[2] а с другой стороны, необходимость изучения диктовалась тем, что «эта сторона дела находится, — как писал Н. Я. Марр, — в связи с новой теорией происхождения и классификации кавказских языков, именно с яфетической теорией»,[3] приступить к изучению живой абхазской речи, непосредственно в годы начальных раскопок в Ани, или поездки на Синай (1902 г.), т. е. в годы, когда назрела мысль и потребность заняться изучением живых кавказских, яфетических языков, — Н. Я. не удается.

К изучению абхазского языка он приступает только в 1912 г., когда лингвистические «поездки в Сванию, давшие в результате дальнейшую разработку первоначальной схемы яфетической теории, прежде всего родословной таблицы языков», указали «на необходимость расширить ее основы привлечением в изучение более дальних по родству языков». Здесь «в первую очередь был намечен абхазский язык, в котором были усмотрены особые точки соприкосновения с сванским языком».[4]

В 1912 г., работая над редактированием труда талантливого самоучки-лингвиста абхаза Петра Чарая «Об отношении абхазского языка к яфетическим»,[5] Н. Я. Марр создает свой первый труд, посвященный абхазскому языку «К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических», который опубликовывает в том же 1912 г. в серии материалов по яфетическому языкознанию».[6]

Работу эту Н. Я. Марр написал, по собственному выражению, «пользуясь наличными в печати материалами»,[7] т. е. без привлечения каких-либо новых данных из непосредственного соприкосновения с живыми носителями абхазской речи.

1 Основные достижения яфетической теории. Избранные работы, т. I, 1933, стр. 205.
2 Кавказоведение и абхазский язык. Избранные работы, т. I, 1933, стр. 66.
3 Там же, стр. 66.
4 Там же, стр. 71—72.
5 Материалы по яфетическому языкознанию, IV, 1912.
6 Там же, V.
7 Кавказоведение и абхазский язык. Избранные работы, т. I, 1933, стр. 72.

В непосредственное соприкосновение с абхазами Н. Я. Марр вошел лишь летом того же 1912 г., посвящая в дальнейшем систематическим занятиям рождественские вакации. Основной интерес этих первых занятий Н. Я. Марра, судя по опубликованным в те годы работам,[1] был направлен на проблемы этно-культурного характера, причем изучение абхазского языка имело настолько большое значение для всех остальных работ Н. Я. Марра в области грузиноведения и арменоведения, что он не может не заявить об этом печатно: «Лично мне, — пишет Н. Я. Марр, — абхазский язык дал особенно сильный толчок для приступа к работам по восточно-кавказским горским языкам. Для меня стало ясно, что все направление и грузиноведения и арменоведения, в частности мое, было в корне неправильно, по крайней мере в лингвистической части, ибо ни одна общая проблема, возникшая в той или иной из названных специальностей, не могла быть правильно поставлена и тем менее решена без общекавказских перспектив, в частности без соответственно глубокого изучения всех горских коренных языков и пересмотра вопроса о них с точки зрения яфетической теории»...[2]

Изучение абхазского языка делает Н. Я. Марра кавказоведом в широком смысле этого слова, постепенно освобождая его от националистических взглядов, приобретенных при изучении классических письменных кавказских языков, особенно грузинского.

Этот период деятельности Н. Я. Марра, в котором особенно ярко проявился его интерес к вопросу этно-культурному во всех его формах, сыграл не малую роль в оздоровлении и формировании взглядов гениального творца яфетической теории. Признает это и он сам. Так, напр., касаясь вопроса истории христианской культуры на Кавказе и значения в ее распространении личности абхаза Иоанна, Н. Я. Марр открыто заявляет о своем отходе от грузинских национальных устремлений в исследовательском деле: «Мы раньше, — говорит он, — как будто старались, наоборот, замести след значения абхазского народа как проводника византийско-христианских начал в кавказский мир, использовав и это столь ясное упоминание в пользу грузинского народа».[3]

[1] Яфетическое происхождение абхазских терминов родства. Изв. Акад. Наук, 1912, стр. 423—432; История термина „абхаз". Изв. Акад. Наук, 1912, стр. 697—706; Из лингвистической поездки в Абхазию (к энтологическим вопросам), Изв. Акад. Наук, 1913, стр. 303—334; Из абхазских личных имен, ХВ, т. II, стр. 400—402; Абхазское происхождение грузинского термина родства bida 'дядя', Изв. Акад. Наук, 1914, стр. 143—146.

[2] Кавказоведение и абхазский язык. Избранные работы, т. I, стр. 72.

[3] Там же, стр. 60.

Для него «родной край абхазского народа» начинает представлять интерес со всех точек зрения, ибо здесь «происходил, — по его выражению, — обмен не только товаров, но и идей».[1]

Поворот и отход от старых позиций оказывается настолько решительным, что Н. Я. Марр посвящает им в 1916 г. специальную работу на тему «Кавказоведение и абхазский язык»,[2] в которой подвергает подробной и обстоятельной критике как свои, так и существующие кавказоведные позиции в плане постановки кавказоведения как науки, не ограниченной узкими национальными рамками и интересами, как это видно из приводимых выше высказываний, а в плане исключительно важного значения абхазов как народности для истории Кавказа во всех отношениях: лингвистическом, литературном и этно-историческом.

Рассматривая клубок тех первоначальных интересов, которые толкали Н. Я. Марра к занятию живыми бесписьменными горскими языками, нужно констатировать скрещение самых различных моментов, определявших эти интересы.

С одной стороны, это было, уже указанное выше, разочарование, которое вытекало из его занятий в Синае и Ани, с другой, как говорит Н. Я., «крупный грех», который был «за кавказоведением в частях его, посвященных народам с древней национальной письменной культурой, именно армянам и грузинам,» и вытекающий отсюда местный национализм, устраняющий «возможность расцвета кавказоведения»,[3] и, наконец, с третьей стороны, требования, которые выдвигались «новой теорией о происхождении и классификации кавказских языков, именно... яфетической теорией».[4]

Так или иначе, но все эти моменты вели к тому, что Н. Я. Марр занялся живыми бесписьменными горскими кавказскими языками и в первую очередь абхазским.

Установив, что многочисленные горские языки Кавказа составляют спирантную ветвь яфетических языков Кавказа, Н. Я. Марр в силу преобладавших в ту пору у него интересов к происхождению яфетических языков и их классификации, занялся по преимуществу вопросами этногонии. Изучение горских языков Кавказа еще больше укрепило позиции яфетической теории как в смысле того внутреннего, хотя и относительно един-

[1] Кавказоведение и абхазский язык. Избранные работы, т. I, 1933, стр. 60.

[2] Напечатано в Журн. Мин. народн. просв., 1916, № 5, май, стр. 1—27, и перепечатано в т. I „Избранных работ", 1933, стр. 59—78.

[3] Кавказоведение и абхазский язык. Избранные работы, т. I, стр. 64—65.

[4] Там же, стр. 66.

ства, которое было необходимо для окончательного определения яфетической языковой системы, так и в смысле определения яфетической природы многих древнеписьменных культурных, часто мертвых языков, которые оказывались в пределах прародины яфетидов в странах, прилегающих к ней, или которые отошли от этой прародины, как, напр., этрусский язык.

Рассматривая отход многочисленных яфетических народов от прародины в пределы Кавказа под давлением появившихся в передней Азии ариоевропейцев, Н. Я. Марр видит в ту пору в абхазском языке драгоценный обломок, «часть древнего, переднеазиатского культурного мира», «редкий живой источник для освещения известных культурно-исторических вопросов в далекой Ассиро-Вавилонии и непосредственно прилегающих стран»[1]... Абхазский язык оказывает ему помощь в разборе непонимавшихся клинописных памятников Армении, Мидии и Элама.

Абхазский язык привлекается им для толкования новоэламского языка в работе «Определение языка 2-й категории Ахеменидских клинописных надписей по данным яфетического языкознания» (1914 г.),[2] или для определения халдского языка клинописных надписей ванских царей, надписей, рассеянных не только по Вану и по окрестностям, но и по Маканскому ханству в Иране, по б. Эриванской губернии вплоть до Гокчайского озера на северо-востоке и т.. д.

В отношении к халдскому языку ныне все данные яфетических языков, какие только привлекались Н. Я. Марром, систематизированы учеником его, акад. Ив. Ив. Мещаниновым, причем среди этих данных абхазскому языку принадлежит далеко не последнее место.[3]

В полном соответствии со своими взглядами на абхазский язык как на «часть древнего переднеазиатского культурного мира» рассматривает Н. Я. Марр самую структуру данного языка, место которого среди яфетических он определяет в 1912 г.[4]

Характеризуя абхазский язык как яфетический, Н. Я. Марр исходит целиком из праязыковых отношений яфетической семьи языков и выдвигает в определении его структуры следующие положения.

«1) В яфетическом его слое, — пишет Н. Я., — три наслоения, одно тяготеет к картской группе, другое — тубалкайнской, третье, наиболее

[1] Там же, стр. 75.

[2] ЗВО, т. XXII, вып. I—II.

[3] И. И. Мещанинов. Язык ванских клинописных надписей на основе яфетического языкознания. Изд. Акад. Наук СССР, 1932, стр. 92.

[4] К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических. МЯЯ, т. V.

проникающее абхазский язык, проявляет тесное родство с сванским и доарийскими переживаниями в обоих языках Армении: пайском и армянском».

«2) В элементах тяготения к картской и тубалкайнской группам, по всей видимости заимствованиях, сказывается больше влияния тубалкайнов».

«3) Как заимствованные, так и коренные яфетические элементы вскрывают, что абхазский, насколько он представляет яфетическую ветвь, не только происходит с далекого от нынешней Абхазии юга, но сложился еще там в сложный тип яфетического языка, в котором отложились особенности различных яфетических групп».[1]

Точка зрения, что абхазский язык представляет сложный тип яфетического языка, в котором скрестились отложения почти всех групп яфетических языков и который претерпел солидные изменения в своей структуре от столкновения и скрещения на северном Кавказе с каким-то неяфетическим языком, — вот основная точка зрения Н. Я. Марра на абхазский язык в кавказоведный период развития яфетической теории. С этой точки зрения Н. Я. Марр рассматривает все его структурные явления, и отправляясь от нее же он оспаривает суждение П. Услара и П. Чарая о первобытности строя абхазской речи.

Правда, в дальнейшем Н. Я. Марр во многом изменил свой взгляд на структуру абхазской речи. В частности, он смотрел в дальнейшем на абхазский язык в целом, как на очень раннее достижение глоттогонии, как на самый архаичный тип среди яфетических языков Кавказа. Касаясь, напр., уже в 1928 г. своей работы «К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических» (1912 г.), он еще раз повторяет, что она писалась «на основании существовавших в печати материалов, еще до услышания... какого-либо живого слова, подлинного абхазского звука из абхазских уст», что она «настолько архаична по строгой преданности сравнительному методу, что Петр Чарая, более свободно обращавшийся как самоучка с формальным сравнительным методом... оказался... часто утверждавшим истину или ближе подходящим к истине»,[2] чем сам Н. Я. Марр.

Тем не менее, несмотря на многие отрицательные стороны, эта работа, как и ряд последующих, написанных на основе праязыковых и праэтнических установок, сыграла свою положительную роль в развитии яфетического языкознания, во-первых, тем, что она явилась первой работой, научно утверждавшей яфетический характер абхазского языка; во-вторых, тем,

[1] К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических, стр. 43.

[2] Постановка учения об языке в мировом масштабе и абхазский язык. Изд. ЛИЖВЯ, Л., 1928, стр. 5—6.

что своим сравнительным материалом в дальнейшем много способствовала обоснованию единого глоттогонического процесса, ибо в его характеристике, с точки зрения истории сложения, нельзя пройти мимо таких кавказоведных студий, как армяно-абхазские, а затем и армяно-абхазо-баскские схождения и расхождения.

«Привлечение живых языков в основу разработки яфетической теории несло с собой также необходимость напряженного внимания к реалиям, материальной обстановке среди изучаемой живой речи».[1]

Н. Я. Марр на ряду с лингвистическими вопросами занимается серьезно изучением материального быта, культа, мифологии, т. е. теми сторонами культурно-исторической жизни яфетических народов Кавказа, которые выгодно выделяют лингвистическую аргументацию Н. Я. Марра из среды лингвистической аргументации других исследователей, интересовавшихся исключительно языковыми вопросами и потому представляющих собою обычный тип отрешенных от общественности ученых.

Из специальных работ Н. Я. Марра, посвященных исследованию этой стороны жизни абхазов, исключительный интерес представляет работа «О религиозных верованиях абхазов» (к вопросу об яфетическом культе и мифологии) 1915 г.,[2] в которой Н. Я. вскрывает скрещенный характер религиозного мышления абхазов и выдвигает в качестве положения тезис об отсутствии единства внутри абхазов как народности: «...абхаз абхазу рознь, — пишет Н. Я. Марр, — ... Абхазия как в лингвистическом, так и в религиозном отношении делится на три области...»[3], т. е. как бы пытается выдвинуть местные социальные проблемы в первоочередные, подвести социальную базу под диалекты, религиозные мировоззрения, отодвинуть на второй план общекавказские интересы. Но если этот вопрос нашел свое разрешение уже в послереволюционный период деятельности Н. Я. Марра как обоснование социальной неоднородности языка-мышления, то другой вопрос, получивший немалое значение в последующие годы, вопрос схождений и расхождений выдвигается Н. Я. в этнологии в эту пору на первый план.

«...Мы вступаем в такую стадию разработки яфетической этнологии, — пишет Н. Я. Марр, — когда внимание наше должно быть приковано не менее к расхождениям, чем к сходствам...».[4]

[1] Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры. Избранные работы, т. I, стр. 98.

[2] Христианский Восток, т. IV, стр. 113—140. 1915

[3] Там же, стр. 114.

[4] О религиозных верованиях абхазов, стр. 122.

Сам он разрешает этот вопрос мастерски и привлечением солидных материалов блестяще доказывает, что «различные народы, даже племена живого... яфетического мира отличаются не только большею или меньшею степенью стойкости отстаивания родных своих дохристианских богов, но и различной их иерархиею, различными особенностями культа».[1]

Во всяком случае, если подвести беглый итог абхазской деятельности Н. Я. Марра в период до 1920 г., т. е. до выхода в свет «Яфетического Кавказа и третьего этнического элемента в созидании средиземноморской культуры», эта деятельность будет представлять энергичную борьбу за языковое и историческое право абхазского народа в культурной жизни Кавказа, и когда Н. Я. Марр восклицает: «гибнет на наших глазах живая старина»,[2] это не сожаление — упрек беспомощной учености, но призыв молодым национальным кадрам к собиранию богатых документов своего края.

С таким любовным подходом и с такими подлинно научными стремлениями к языку и культуре изучаемых яфетических народов Н. Я. Марр не мог не выйти за пределы кавказского мира, и когда на первых страницах своей работы «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры» он определяет значение своих работ над живыми горскими языками для подготовки нового научного взгляда, он пишет: «Привлечение живых языков в основу яфетической теории несло с собою необходимость напряженного внимания к реалиям, материальной обстановке среды изучаемой живой речи... яфетическое языкознание, таким образом, стало обосновываться на изучении живых языков, притом со внесением реального, особого конкретного для каждой эпохи общественного восприятия речи в ее материальном быту, и на изучении скрещенных лингвистических видов...».[3]

«Это обоснование яфетического языкознания, также его построение дало совершенно неожиданный результат общего интереса, независимо от значения яфетических материалов для проблемы о третьем этническом элементе в историческом очаге мирового культуротворчества».[4]

Следовательно, занятия живыми яфетическими языками, среди которых на первом месте стоял абхазский язык, способствовало развитию общего интереса к проблемам мирового культуротворчества, независимо от значения яфетических материалов. А сами материалы? Они, следовательно, при

[1] О религиозных верованиях абхазов, стр. 123.

[2] Кавказоведение и абхазский язык, стр. 74.

[3] Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры, стр. 98.

[4] Там же, стр. 98 и сл.

наличии общего интереса способствовали уже разрешению проблемы мирового культуротворчества, ибо сила доказательства лежала «не в индивидуальных данных ученых-яфетидологов, — говорит Н. Я. Марр, — а в природе яфетических языков, в самих исследуемых материалах...»,[1] а они неизбежно привели яфетидологию на «путь выявления и окончательного утверждения третьего этнического элемента в творцах культуры Средиземноморья...».[2]

II

После работы «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в создании средиземноморской культуры», выведшей Н. Я. Марра из пределов Кавказа в Средиземноморье, интересы его к абхазскому языку по крайней мере на целые четыре года заслоняются другими интересами и задачами, сыгравшими большую роль в развитии яфетической теории как общего учения.

Годы с 1920 по 1924 характеризуются такими переменами в деятельности Н. Я. Марра, как перелом в вопросе о миграциях с дальнейшим разъяснением исторических переселений как социально-классовых явлений. Отпадает, следовательно, вопрос о культурной прародине яфетидов, экспансии их на Кавказ из пределов Ассиро-Вавилонии, Месопотамии и прилегающих к ним с севера и запада в Малой Азии стран. В связи с этим иначе встает вопрос о гибридном характере самого абхазского языка, поскольку носители последнего на правах, равных со всеми другими народностями, начинают рассматриваться как автохтонный элемент средиземноморской территории.

Утверждение об автохтонности яфетидов стоит в непосредственной связи с другим утверждением Н. Я. Марра, «что индоевропейской семьи языков расово отличной не существует. Индоевропейские языки Средиземноморья никогда и ниоткуда не являлись... это дальнейшее... состояние тех же яфетических языков, в Средиземноморье своих или местных, на определенной стадии их развития, в общем новая по строю формация».[3]

Работа, в которой высказан этот взгляд, была доложена в Историко-филологическом отделении Академии Наук 21 ноября 1923 г., а через 8 месяцев 23 июня 1924 г. Н. Я. Марр на публичном заседании Академии истории материальной культуры читал уже доклад «Термины из абхазо-

[1] Там же, стр. 95.

[2] Там же, стр. 97.

[3] Индоевропейские языки Средиземноморья. Избранные работы, т. I, стр. 185.

русских этнических связей 'лошадь' и 'тризна'. (К вопросу о племенном происхождении средиземноморского населения)»,[1] в котором он, подчеркивая прежнее положение о скрещенности абхазского языка, вносит в это положение не только то новое, что в дальнейшем получило свое оформление как сармато-скифское явление, но и то, что абхазский язык рассматривается образовавшимся «вовсе не на юге Кавказа и не через кристаллизовавшиеся уже в наличные виды языки шипящей группы, мегрельской или чанской, точно так же как свистящий слой абхазского языка воспринят вовсе не через единственный более цельный теперь представитель свистящей группы, грузинский язык».[2]

Достаточно, казалось бы, сравнить только что приведенное высказывание с тем, которое уже приводилось из работы 1912 г., чтобы понять, какой огромный шаг вперед сделал Н. Я. Марр в своем научном развитии, однако этого сравнения для уяснения действительного положения вещей будет далеко недостаточно, ибо речь идет уже не об общеяфетических явлениях ограниченных территорией Кавказа, а о таком понимании глоттогонического процесса, в котором абхазский язык является лишь одним звеном, как пишет Н. Я.: «и из вопроса об абхазском в этом отношении не может быть выделен тесно примыкающий к нему черкесский, равно другие северо-кавказские языки»...[3] «... Теперь, — говорит он там же, — становится совершенно ясным, что глоттогоническая эпоха, из которой вышли перечисленные языки в наличных их видах, территориально связана со скифско-сарматским районом юга России... с самими этнографически пребывавшими здесь не только скифским и сарматским, но и кимеро-иберском и др».[4]

Прослеживая в той же работе «Термины из абхазо-русских этнических связей» отношения этрусского племенного названия в абхазской речи, Н. Я. далек еще от того, чтобы окончательно отказаться от термина «переживания», «этруссизмы», ибо стадия разработки общих проблем по яфетической теории того времени еще не сумела окончательно освободиться от кавказоведных интересов, хотя вопросы миграции басков и этрусков уже потерпели полное фиаско.

Если точка зрения на этруссизмы как явление не частного, а общего порядка была бы в это время у Н. Я. определенна, он не задавал бы себе

[1] Напечатана в 1924 г. Изд. Наркомпроса Абхазии, Л., стр. 57.
[2] Термины из абхазо-русских этнических связей. 'Лошадь' и 'тризна', стр. 35.
[3] Там же, стр. 35.
[4] Там же, стр. 35.

вопроса: «... но как быть с наличием того же этрусского вклада в русской речи, общего у нее с абхазской? Считать ли это наследием сожительства абхазов с русскими, в каком-либо южно-русском крае, напр., Тмутаракани, или видеть в них явления на общих правах доисторического наследия, пережившего в русском в процессе его независимого образования, как образовались независимо и другие славянские языки, наравне с теми встречами, отнюдь не случайными, которые характеризуют взаимоотношения абхазского и армянского с баскским или приморских языков Средиземноморья с припонтийскими языками Кавказа».[1]

На этот вопрос он не дает прямого ответа, но из всех работ того времени совершенно ясно, что этрусцизмы и этрусские переживания Н. Я. Марр рассматривает в то время как явление доисторически-племенное, присущее конкретной среде, конкретным носителям, автохтонность которых он начал утверждать с 1924 г. и подтвердил еще раз в 1925 г. в работе «Иберо-этрусско-италская скрещенная племенная среда образования индоевропейских языков».[2]

Поставив вопрос об этногонии абхазов и связав его территориально со скифо-сарматским районом юга России, Н. Я. Марр не решает этого вопроса в работе «Термины из абхазо-русских этнических связей» по тем причинам, что он занят в ней более вопросом общности прослеживаемых им терминов «лошадь» «тризна» для армяно-баско-этрусской племенной среды, чем самым вопросом этногонии, который он не конкретизирует исторически и даже территориально с этнографическими скифами и сарматами.

Попытку такого конкретного подхода можно видеть в другой работе Н. Я. Марра, в его «Введении к Абхазско-русскому словарю»,[3] где он касается засвидетельствованного Геродотом скифского термина σίορπατα, поскольку «в речи абхазов, своим внедрением на восточное Черноморское побережье разорвавших... цепь сплошной массы населения с скифской речью и сменивших колхов, двойников скифов, естественно находить отложения языка шипящей группы, скифского языка, независимо от соседства с мегрелами».[4]

[1] Там же, стр. 56—57.

[2] См. Доклады Акад. Наук, сер. В, 1925, стр. 9—10. Перепечатано в т. I «Избранных работ», стр. 187—188, а также «Составной характер этрусского tusurθi 'девушка', 'дочь', Докл. Акад. Наук, 1924, стр. 113—115; «К этрусцизму индо-европейского термина 'дочь'» Докл. Акад. Наук, 1925, стр. 46.

[3] Абхазско-русский словарь. Пособие к лекциям и исследовательской работе. Изд. Акад. абх. языка и литературы, Л., 1926, стр. LV + 159.

[4] Там же, стр. XXVII.

Это утверждение уже не о территориальной, а этногонической связи абхазов со скифами и колхами, относится к 1926 г. и подготовлено работой, которая была зачитана в Абхазии в 1924 г., но напечатана в 1926 г. — «Абхазоведение и абхазы».[1]

В том же 1924 г. Н. Я. Марр одновременно написал две работы, посвященных этногонии абхазов: «Термины из абхазо-русских этнических связей» и «Абхазоведение и абхазы». Насколько этот вопрос представлял в ту пору для него большой интерес, можно судить по такому заявлению его во второй работе.

«Вопрос, в какой степени наличный абхазский материал представляет конкретно ту народную речь, которая слышалась на восточном побережье Черного моря из уст древнего населения, называвшегося колхами. В какой степени мы можем утверждать, что абхазы наследственно продолжают сохранять в своей речи пережиточно язык колхов, и сложился ли абхазский язык в том виде, как он теперь раскрывается в своей изумительной сложности у колхов, или по скрещении абхазов с колхами, и где этот процесс произошел в пределах ли нынешней Абхазии или за ее пределами?

«Вот, — восклицает Н. Я., — очередная сейчас абхазоведная проблема, главнейшая, важная не для одних языковых явлений, а для всей этнической, да и поэтнической культуры абхазов. Вот на разрешение чего в ближайшие годы должно быть направлено все внимание и краеведов... и специалистов»...[2]

Судя по приведенной выше выдержке, Н. Я. Марр сам не решил этого вопроса окончательно ни в пользу скифов, ни в пользу колхов. Он скорее решает его по основному слою в пользу кимеро-сарматов: «По характеру двух разноприродных слоев этой (т. е. абхазской) речи спирантной и свистящей, — пишет Н. Я. Марр, — племенное образование могло бы по праву называться не скифо-сарматами, а кимеро- или иберо-сарматами, а если воспринять одну из усеченных сибилянтных разновидностей термина ки-мер, и-бер, именно ta-m (в полной форме — *ta-mar) и наличную в абхазской речи со значением главного тотемного бога (а-уəàг) форму sarmat'a... без конечной части, здесь уже цельного племенного названия — mat, но с префиксом ı- (ı + əаг), первично о- (> u), то это племенное образование следовало бы именовать Там-оəаг».[3]

[1] Абхазоведение и абхазы (К вопросу о происхождении абхазов и этногония восточной Европы). Восточный сборник Гос. Публ. библ., 1926, стр. 123—166.

[2] Там же, стр. 142—143.

[3] Там же. стр. 153—154.

росу

Таким образом, с разъяснением основного содержания племенного термина Н. Я. подходит к русской исторической среде, к Тмутаракани. «...С вопросом возникновения абхазского народа и наличного абхазского языка, — пишет он, — несомненно находится в тесной связи вопрос тмутараканский как реально, так и терминологически»,[1] а в прямой зависимости от решения этого вопроса стоит, конечно, и другой — вопрос происхождения русского языка.

Неутомимый исследователь, Н. Я. Марр не останавливается, конечно, на совершенно ясно вытекавшем из его работы «Абхазоведение и абхазы» утверждении, что абхазский язык сложился, «по всей видимости, в основных своих слоях на Северном Кавказе».[2] К этому движению вперед Н. Я. обязывали, с одной стороны, его интерес к вопросам взаимоотношения абхазского языка с другими, особенно с русским, который не только терминами «лошадь» и «грива» тянул абхазов на север, вплоть до вогулов; с другой стороны, начинали всплывать новые вопросы актуального языкового строительства, давно уже назревшие, и направленные к тому, чтобы сделать абхазский язык для абхазов могучим рычагом культурного подъема.

Удовлетворению потребности посильно решить эти вопросы посвящена, на ряду с другими, работа Н. Я. Марра «Постановка учения об языке в мировом масштабе и абхазский язык» (1928 г.),[3] в которой новизной оказывается не столько сам метод палеонтологии, разработанный до деталей, уже встречавшийся, напр., во «Введении к Абхазско-русскому словарю» сколько сама постановка вопроса о русском вкладе в абхазской речи, который рассматривается как слой русской классовой руководящей группировки... «такой слой в абхазском племенном образовании, — пишет Н. Я. Марр, — давший автору арабского источника право называть абхазов русами, несомненно существовал, как видно из анализа абхазского языка, в котором один из четырех элементов звуковой речи, элемент Д, элемент рошский или русский в абхазском словаре образует древнейший состав звуковых слов, состав первичного стадиального развития»...[4]

Так все более и более углубленным разрешением этногонической проблемы абхазской народности Н. Я. Марр постепенно укрепляет поло-

[1] Там же, стр. 155.

[2] Там же, стр. 154.

[3] Изд. ЛВИ, Л., стр. 68, а также Абхазский аналитический алфавит (к вопросу о реформах письма). Изд. ЛИЖВЯ. Труды Яфетического семинария. I. Л., 1926, стр. 5—52: Новый абхазский алфавит. Газета «Голос трудовой Абхазии», Сухум, 18, 19 и 20 IX 1924. №№ 208/944 и 210/946.

[4] Постановка учения об языке в мировом масштабе и абхазский язык.

жение абхазского языка в ряду других языков Средиземноморья, вплоть до постановки вопроса в мировом масштабе, поскольку без такого размаха невозможно решать вопросов глоттогонии. Недаром этногонический вопрос так занимал Н. Я. Марра и выдвигался им как важнейший.

Ныне, когда гениальный творец нового учения об языке закончил свой исключительный по творческому размаху путь, положение, что ни одна языковая проблема, будь она лексическая, грамматическая или синтаксическая, невозможна без решения основных вопросов этногонии, следовало бы уяснить не одному ученику Н. Я., если он только искренно желает способствовать развитию и умножению глубоких идей своего учителя.

Разве не может не толкать к этому разрешению такая исключительная по глубине постановка вопроса об этногенезе абхазов, какую, напр., казалось бы, после вполне удачного разрешения дает заново Н. Я. Марр в работе «В тупике ли история материальной культуры»,[1] где термин рассматривается с учетом самого последнего достижения в технике палеонтологического анализа как учения о дифференциале. Рассматривая термин ovs или os как личное имя в одах, приписываемых Чахрухадзе, и подводя под это рассмотрение соответственную историко-культурную базу, Н. Я. Марр пишет: «... во всяком случае o-ʊ+s или o+s, ныне общее название лишь осов-осетин, в XII в. было еще на месте термином не топонимическим, а соционимическим — названием определенного господствовавшего слоя и осов-осетин, и сванов, и турок-балкаров, и абхазов, и хевсуров, но в различных разновидностях, как ныне сохранились они этнографически, то во взаимных, то в собственных национальных наименованиях: à-φ-ʂa-ā || a-φ-ʂa-ɸa || a-φ-sa-ɸa 'абхазы', o⌜v⌝s 'осетины', e-φ+s 'сваны' || 'малкары-турки', ɸe-v+s-ur и т. п. У нас возникает сомнение, — говорит тут же Н. Я., — правда ли нынешнее грузинское название лишь «случайное» звуковое исполнение прекрасно документированного a-ba+sk > a-baz-g (визант.-греч.), или тот же комплекс a+b → a+φ, что в a-φ+s⌜a⌝-ā (↙ a-φ+sa-ar) объединен с ɸa+z, основой ɸa+z-ar в a+b-ɸa+z, т. е. это хазары с идеологическим дифференциалом ab, что в абхазском тотемистически и 'козел' ныне 'холощеный козел'.[2]

Итак, следовательно этногонический вопрос об абхазской народности, в основном разрешенный Н. Я. еще в прошлые годы, опять был намечен к пересмотру.

[1] Изв. ГАИМК, стр. 67, Л., 1933.

[2] В тупике ли история материальной культуры? стр. 34—38.

Откуда это? От новых исканий, стремления материалистически разрешить развитие речетворческого процесса, чтобы уяснить новизну постановки, и если вспомнить хотя бы, как рассматривалось ранее документированное a-bask в связи с термином bask, hayk,[1] представить все богатство идей, сосредоточенное вокруг этого вопроса на протяжении 20 лет, станет ясным, как неутомима была голова исследователя, порождавшая эти идеи и пересматривавшая их с каждым новым положением яфетической теории, буквально — с каждым ее новым фактом.

Однако в послереволюционный период деятельности Н. Я. Марр интересовался не только вопросами этногонии. Его не менее интересовали вопросы глоттогонии. Свидетели этому — обильные факты, которыми наполнены все его работы, посвященные специально абхазскому языку, или не менее значительные экскурсы и выкладки, которые встречаются в других, не специальных работах. Ими можно было бы заполнить десятки, если не сотни страниц, причем все они являются яркими показателями, доказывающими и единство глоттогонического процесса и неисчерпаемые возможности самого абхазского языка. Такая работа была бы чересчур и специальной. Ей я полагаю посвятить специальную статью-картотеку с тем, чтобы подкрепить многие положения Н. Я. Марра, указанные в этой статье.

В заключение считаю необходимым остановиться еще на одном большом вопросе абхазского языка и абхазоведения, который нашел свое отражение в работах Н. Я. Вопрос этот — отношение палеонтологических работ Н. Я. Марра к его взглядам на конкретные явления грамматической структуры абхазского языка. Здесь опять обилие материала, который также немыслимо охватить в небольшой статье.

Для примера коснусь только одного момента, как он возник во время последней поездки Н. Я. Марра за границу, в Турцию, в связи с изучением турецкого языка, конкретно — окончания множественного числа lar. Этот вопрос интересен тем, как умел Н. Я. Марр, соблюдая интересы исследуемого языка, разрешать попутно вопросы другого языка часто совершенно иной системы и часто в таком явлении, которое имеет к первому не прямое, а только косвенное отношение. «Турецкое окончание множественного числа lar, — пишет Н. Я. Марр, — имеющее свою давно отмеченную параллель в грузинском — nar, ... требует внимания к вероятности иного анализа по элементам, иного их состава (DA вместо DD), т. е.

[1] Астрономические и этнические значения двух племенных названий армян. ЗВО, т. XXV, стр. 229—256.

наличия окончания ar (→ har ~ sar)... с таким анализом мы проникаем в слои более глубокой стадии, когда грамматические, говоря формально, суффиксы или окончания (в действительности — собственнические детерминативы) присоединяются еще к местоимению, а не к имени, и ne → n (resp. его двойник l) у турок также на лицо в числе местоимений не только вопросительного -ne, но и личного в первом и третьем лицах множ. числа -n и ni + z, и в таком случае и в третьем лице в составе того же l-ar || le-r открыл бы путь, чтобы подкопаться под множ. число на стыке феодальной речи Армении с языком низового слоя ne-ar > ny-ar (низ. e-ar ←→ i-ar || i-er ↘ y-ar || yer).

Здесь, на почве Армении с речью тотемо-магического мышления еще допрометеидской... системы... обилие этих «местоимений».., между тем не учтена стадиальность нарастания различных тотемов, следовательно, различных заместителей тотемов с перерастанием первобытного общества, собственно «простой», точнее диффузной формы его строя в сложную в результате внутреннего социального расслоения.., более того, вовсе не учитывалось нарастание и двухзначных по функции показателей грамматических и синтаксических, и морфологических, это значит, так наз. родовых, впоследствии классовых... «частиц», на самом деле слов-элементов, когда ими сигнализовались различные категории понятий в зависимости от производства и им определявшихся социальных отношений, а никаких не природных свойств сигнализуемого ими предмета.

Это, — говорит Н. Я. Марр, — однако, нисколько не мешало 'женщине' ← 'матушке' ~ 'девушке' оказаться в категории женского «рода» и получить закрепление этого социального детерминатива за собою как термина с соответственными значениями, а далее с одним из ряда значений; и, действительно, со значением женщины находим у пиренейских басков в слове ne-ĩuka 'девушка'.., а его же двойник la → l у абхазов, сменивших древних кавказских а-басков, служит основой местоимения женского рода третьего лица и в именах и в глаголах».[1]

Неизбежно пришлось привести пространную выдержку из работы Н. Я. Марра, ибо такую широкую постановку вопроса для отдельной грамматической категории едва ли можно найти у кого-либо из его учеников и последователей, тем более, что эта постановка чревата рядом положений, имеющих значение для генезиса этого la — l в абхазском, особенно в связи с разностадиальной его формой в виде послелога орудивного «падежа» la,

[1] О лингвистической поездке в восточное Средиземноморье, ГАИМК, 1934, стр. 65—66.

где оно означает, как уже указывал Н. Я. Марр, 'руку'[1] и, следовательно, входит в единый семантический пучок — «рука-женщина-вода». Вошедшие с самых первых лет его работы в лингвистический арсенал Н. Я. Марра абхазы продолжали оставаться боевым оружием его гения до самой смерти, и едва ли найдется в последние годы жизни Н. Я. Марра такая работа, в которой в той или иной постановке абхазский язык не находил себе места. Я сказал бы даже более — абхазский язык плотно вошел не только в научное мышление Н. Я. Марра, стал одним из неиссякаемых источников в его аргументации, он не менее цельно захватил его общественно, ибо едва ли найдется какой-либо другой народ, которому Н. Я. Марр оказал бы столько внимания в деле его культурного подъема, начиная с кропотливого и заботливого интереса к выработке его алфавита, создания его письменности и кончая собиранием фольклора и организацией и подготовкой кадров, вплоть до основания ученых учреждений, как это было с Абхазской академией языка и литературы.

Абхазы и абхазский язык на протяжении всей научной деятельности Н. Я. Марра постоянно волновали его, он отдал им много своих лучших сил и в праве был ожидать вознаграждения сторицей со стороны молодых абхазоведных кадров.

При жизни он его не получил. Но впереди другая жизнь — молодых. Именно к молодым всегда было первое слово Н. Я. Марра, и к ним, обращаясь еще в 1922 г. по поводу успехов яфетидологии, он говорил:

«... мы не должны обмануть себя внешней победой. Заодно пробуждается гидра научной реакции, и представителей яфетидологии, в особенности новое их поколение, ожидает не раз Голгофа. Дело великое, и жертва требуется великая, больше моральная, чем материальная. Посмотрим. А если нам не суждено увидеть результата, то конечное торжество истины вне всякого сомнения».[2]

---

[1] Орудийный и исходный падежи в кабардинском и абхазском, ДАН, Б., 1928, стр. 226.

[2] Чем живет яфетическое языкознание. Избранные работы, т. I, 1933, стр. 184.